21 АПР 1987

КАНУН ВОЗРОЖДЕНИЯ?

Челябинский оперный красив. И стоит он на площадь-острове заметный, многоколонный, — настоящий храм искусства. Не меньше впечатляет здание и изнутри — роскошное фойе, уютный зрительный зал, после недавней реконструкции всюду красный бархат и позолота. На потолке роспись Александра Дейнеки. Что ж, таким, наверное, и должен быть главный театр города. Главный — в идеале. А в жизни он, похоже, занимает «островное» положение и в сознании челябинцев. Кстати, не поэтому ли оперного театра вы не найдете даже среди юбилейных открыток, выпущенных к 250-летию Челябинска и знакомящих с его достопримечательностями?

В первый же вечер после ухода в разгар спектакля, я мысленно порадовалась чьим-то дружным уходам, как показалось из-за кулис, аплодисменты. Шла «Иолянта», также недавняя премьера. Мой оптимизм, впрочем, оказался преждевременным. Зал был заполнен на треть: из 1.037 мест занято лишь 380. Вскоре мне предстояло убедиться, что это еще совсем не так плохо для Челябинского оперного. В самом деле, за время моего пребывания в городе максимальная заполняемость зала (58 процентов) оказалась на детском спектакле «Ай да Балда» и на «Спартаке» (67 процентов), который, кстати, давался в 17.30 для школьников. И было очень обидно, например, увидеть на «Севильском цирюльнике» в постановке Г. Миллера — спектакле интересном и в чему же в хорошем исполнении — 136 человек. А наименьшее количество зрителей (65) собрал «Бал-маскарад».

Да, сегодня проблема посещаемости стоит здесь более чем остро. Артисты порой горько иронизируют: «Если нас завтра закроют, в городе узнают об этом только из программы «Время».

Челябинск — нетеатральный город? Ни в коем случае. Интересная, ищущая труппа Драматического театра имени С. Цвейлиха, прошлым летом с успехом гастролировавшая в Москве; не нужающийся в рекомендациях Театр кукол. Тюз — все они любимы и посещаемы челябинцами. Популярны в самодеятельные театры, например, «Маленек» — гордость политехнического института.

Может быть, Челябинск — город немузыкальный? И это не так. Здесь популярен «спрос», в том числе и в молодежной среде, концерты камерной музыки, при «взрослой» филармонии теперь функционирует еще и детская. И опять-таки самодеятельные коллективы. Их знают и любят. Назовем хотя бы ансамбль танца «Юность» производственного объединения «Завод имени Орджоникидзе» (создатель и бессменный руководитель В. Кривоногий), или же хоровую капеллу «Металлург», которой только что исполнилось 30 лет (25 из них она работает под руководством В. Стрельцова, в данный момент — заместителя начальника областного управления культуры).

Тогда, выходит, «корень зла» надо искать в самом Театре оперы и балета? Попробуем разобраться. И, может быть, в этом нам помогут сами челябинцы. Итак,

СЛОВО — ЗРИТЕЛЯМ

Обратимся к анкетам. На предложенные вопросы отвечали студенты политехнического института. Цифры красноречивы. Из 421 участника опроса только 23 человека назвали Театр оперы и балета в числе предпочитаемых ими коллективов и только 20 указали, что посещают его более или менее регулярно. О готовящейся премьере («Двенадцать стульев») знали 114 человек, 46 из которых заявили, что смотреть ее не пойдут.

Неутешительные результаты дал опрос и в институте культуры, и в музыкальном училище. В первом лишь треть участников анкетирования отдала голос за оперный театр, во втором и того меньше — одна пятая. О премьере в училище не знал практически никто, в институте — больше половины.

...В кабинете ректора Челябинского политехнического института Германа Платоновича Вяткина — импровизированный «круглый стол». Мнение едино: Челябинский оперный настоящей работы с молодежью не ведет, от сотрудничества во всяком случае отрекся.

— Правда, не так давно выступала у нас директор театра оперы и балета, — вспоминает директор студенческого клуба Ольга Стельмак, — пообещала на спектакли. Мы решили отблагодарить и организовали мультихоз на «Лебединое озеро». Увидели потрясающие декорации, задники в заках-то пятых, да и тому же слабую, невыразительную солистку. Ребята сказали, что в этот театр они больше не пойдут никогда.

Стоп. Вот здесь уже по сути дела обозначена одна из главных причин резкого падения у горожан интереса к своему оперному. Речь идет о явном снижении качественных критериев в театре.

Задумаемся: из 30 спектаклей половина идет более пяти лет (срок солидный для периферийного театра). Из «остающихся» половины многое тоже хорошо знакомо челябинцам, ведь одни и те же названия то исчезали из афиши, то вскоре появлялись вновь, но уже в постановке других режиссеров. При этом многие интересные работы, которые могли бы сегодня иметь успех, «потеряны». Да и кому было заботиться о четкой репертуарной политике? Многолетняя чехарда в руководстве коллективом, творческая несостоятельность большинства «главных»...

Но, конечно же, самое тревожное — это то, что художественный уровень подавляющего большинства постановок просто-напросто не выдерживает серьезного профессионального разбора.

...Еще одна встреча состоялась на ТТЗ за несколько дней до премьеры балета Г. Гладкова «Двенадцать стульев». У Челябинского тракторного с оперным театром шефские связи, в «рекламные выезды» за завод накануне выпуска новых спектаклей стали традиционными. Балетмейстер-постановщик же «Двенадцати стульев», московский хореограф Андрей Петров предложил: а почему бы нам, собственно, не поговорить с людьми всерьез? Попытаемся, что они думают о театре, чего ждут от него?

Диалог, начавшийся с традиционных вопросов, очень скоро оживился. Многие признавались, что любят и оперу, и балет, что помнят расцвет своего Челябинского театра, что им обидно за его упадок и они надеются на возрождение оперного. Неожиданно одни из собравшихся, уже немолодой мужчина, задал резонный вопрос: так кто же все-таки виноват в том, что творилось с театром многие годы?

В самом деле, кто?

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Театру нужен лидер — поистине современная фраза. Тем не менее для Челябинского оперного она чрезвычайно актуальна, ибо талантливый, опытный, авторитетный руководитель — то, без чего тут на протяжении последних лет «залихорадило» и опера, и балет. Здесь с благоговением вспоминают первое десятилетие (точнее, первые тринадцать лет), когда художественным руководителем и главным дирижером театра, его душой был И. А. Зак. Именно тогда, с 1955 по 1968 год, театр переживал пору расцвета и, несмотря на свою молодость, сразу же заставил говорить о своем высоком профессиональном.

Очевидно, что, будучи ярким, самобытным художником, Зак имел свою позицию и отстаивал ее, пресекая любые попытки вмешательства извне в дела труппы. С его уходом ситуация резко изменилась.

Среди руководителей главных специалистов — дирижеров, балетмейстеров, режиссеров, назначенных в последующие 18 лет, были люди более и менее одаренные, но никто по-настоящему возглавить коллектив не сумел. То же касается предпоследних «главных» — дирижера Вернера и режиссера Дмитрова, то время их «правления» в театре растекивают просто-напросто как трагедию. И вправе, чего ждать от дирижера, который умудрился сделать неузнаваемой музыку С. Прокофьева (по общему мнению специалистов, под его руководством партитура «Каменного цветка» превратилась в своеобразную какофонию)? А главный режиссер, заявивший на сцене «Веселой вдовы», что «отсутствие решения — как раз то, чего он добивался?»

Нетрудно догадаться, что в подобной ситуации о подлинной художественной деятельности говорить не приходилось. Зрители получали щедрые посылы вновь появившихся «мастеров» скорее давали пространные интервью о своих творческих планах — значительная часть из них осталась нереализованной. Кстати, обращает на себя внимание тот факт, что при наличии в местной прессе довольно большого объема информации об озерном театре вы практически не встретите серьезного, принципиального разбора его постановок. На мой вопрос челябинские музыковеды отвечали односложно: «До сих пор было так: если мы критикуем — вас обвиняют в оппозиции, если молчим, значит, игнорируем театр. А хвалить простите, нечего».

Неудивительно, что, лишенный подлинного художественного руководства, Театр оперы и балета оказался открытым для некомпетентного вмешательства извне. Бывший же директор — а на протяжении пятнадцати лет эту должность занимала человек без четких творческих принципов — такому вмешательству отнюдь не противился.

Всего один пример. В 1979 году решили, что во что бы то ни стало требуется именитый режиссер. Пригласили Д. Смолича из Киева. Полностью отдала в его распоряжение актерские ресурсы, и, разумеется, в ему возможностей широко финансировали. В итоге были выпущены четыре оперы. Работа над ними в общей сложности заняла три года и потребовала гигантского напряжения всех сил труппы. О текущем репертуаре в этот период говорить не приходилось, как, впрочем, и о выполнении плана по его обязанности. Судите сами: в год на постановочные расходы (то есть на подготовку четырех-пяти премьер) театру отпускается около 50 тысяч рублей. Тогда как выпущенные в 1979 году «Хованщина» и «Пиковая дама» обошлись в 19 тысяч и 31 тысячу рублей соответственно, а следом за ними в 1980 году на «Аиду» потребовалось 24 тысячи 700 рублей. Что же до режиссерского решения, то оно явило собой яркий образец поверхностной аранжировки, в наши дни мало кого привлекающей. У «Русалки» в году же (она завершала «сезонную») постановщик запланировал «хэппи-энд». К счастью, зритель его не увидел — на сцене вмешался худсовет.

Попробуйте поставить себя на место актера Челябинского оперного. Особого вдохновения не ощущаешь. И тем не менее, как это ни удивительно, и оперной, и балетной труппе удалось сохранить и желание работать, и достаточный профессиональный уровень. Во всяком случае, к такому серьезному экзамену, как «Двенадцать стульев», коллектив оказался готов. И показательно, что и корреспонденту «Советской культуры» никто не обращался ни с какими частными конфликтами, хотя они, конечно, есть. Главное, что волнует всех, с кем мне довелось встречаться, — помочь театру вернуть ему былую мощь.

КАК В «РЕВИЗОРЕ»?

Всем ясно, что назревший вопрос в театре оперы и балета решить непросто. Особенно если в городе, как в Челябинске, нет ни консерватории, ни хореографического училища. То есть комплектовать труппу можно только за счет приезжающих из других городов. В свое время, правда, в институте культуры функционировал музыкально-педагогический факультет. Потом решили, что он не нужен, — закрыли. Сейчас планируется создание факультета искусств — подготовка своих исполнителей стала насущной задачей.

И все-таки, может быть, можно было избежать хотя бы наиболее крупных ошибок? Думается, да. Взять хотя бы ситуацию, описанную выше. Сколько областному управлению культуры отвечься от внешнего лоска, «регалий», прислушаться к мнению специалистов, среди которых были, кстати, и члены худсовета театра, и многое могло бы сложиться иначе.

— Некоторые из оказавшихся несостоятельными кандидатур были предложены Министерством культуры РСФСР, — сообщил мне начальник управления К. Н. Сидоров.

Что ж, пусть так, но только тут есть один существенный нюанс. Министерство предлагало рассмотреть свои кандидатуры с условием: окончательно утверждать их в должности после первой постановки. Областное же управление культуры эту установку игнорировало. И еще напомним: кризис в оперном назревал в течение почти 15 лет!

В беседе с секретарем Челябинского областного комитета партии Николаем Ивановичем Соловьем я высказала личные наблюдения. Суть их сводилась к тому, что, на мой взгляд, полного взаимопонимания между обкомом и театром нет. Нет неформальной творческой нити, которая пронизывала бы между ними. Со стороны обкома не ощущается постоянной живой заинтересованности в «закулисьем» оперного. Секретарь не согласился со мной. И добавил:

— Поверьте. Театр оперы и балета — наша общая боль. Мы понимаем, что он должен быть культурным центром города, всегда помогали ему, будем помогать и впредь.

Слова секретаря прозвучали искренне. Однако специальных решений по оперному театру бюро Челябинского обкома КПСС в указанный период не принимало. Правда, в июне 1981 года бюро обкома КПСС в исполком областного Совета народных депутатов приняли постановление, в котором шла речь о состоянии театрального дела в области, намечались меры по решению ряда назревших проблем. В частности, начальнику областного управления культуры рекомендовалось срочно «укрепить театр ведущими специалистами». Следовательно, серьезность положения были очевидны. Сегодня же на вопрос о том, как могло состояться назначение на должность уже упомянутого главного режиссера, начальник управления культуры К. Н. Сидоров с нескрываемым недоумением развел руками: «Понимаете, он появился неожиданно, произвел впечатление в внешне, и внутренне культурного человека, и мы все, как в «Ревизоре», обрадовались...»

Когда мы беседовали с Константином Николаевичем Сидоровым, он точно определил задачу театра, верно улавливал суть проблем. Но заметил: «Все почему-то уверены, что театр оперы и балета — особый, специфический организм. Я так не считаю. По-моему, его должен возглавлять просто хороший организатор. Вот и все».

Все ли?

ИЗ ЛИЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

Билет «Двенадцать стульев» стал событием. На сцене спектакля худсовету и управлению культуры, во время зрительской конференции (кстати, она тоже проводилась впервые) постоянно звучало слово «праздник». Что ж, можно понять челябинцев и порадоваться вместе с ними: талантливый спектакль — всегда радость для всех почитателей искусства, но в данном случае это еще и принципиальная победа. Люди поверили в творческий потенциал своего Театра оперы и балета, чье новое, свежее «Слово» прозвучало незаурядно и убедительно. «Двенадцать стульев» идут с постоянным аншлагом. Выходит, городу театр нужен?

Сегодня, на мой взгляд, Челябинский оперный наноминает человека, который начинает постепенно поправляться после изнурительной болезни. Он выжидет посекрее вабраться сил, и хочется верить, что основания для надежд есть. В минувшем году сюда приехали выпускники Ленинградской консерватории Виктор Соболев (главный дирижер), Алексей Степанюк (главный режиссер), Александр Чернушенко (дирижер). Главным художником назначен опытный специалист Леонид Розин. Творческие принципы нового руководства позволяют ждать серьезных результатов. Правда, они будут возможны, если установится полное взаимопонимание в доверие. Этому тоже надо учиться.

Пока остается вакантной должность главного балетмейстера. Намучившись с теми, кто не по праву занимал это место, здесь твердо решили не торопиться. И сомнению, эта проблема отнюдь не местного значения — с балетмейстерскими кадрами действительно сложно. Последние два года художественное руководство балетом осуществляет в недавнем прошлом ведущая балерина театра народная артистка РСФСР Г. Борейко.

Представляется, что на данном этапе первостепенная задача театра — сделать все, чтобы укрепить первую победу, не позволить ей оказаться случайной. Разумеется, в первую очередь авторитет труппы завоевывается репертуаром и его художественным уровнем. Это аксиома. Но повысить престиж театра невозможно в без тонкой, хорошо продуманной пропаганды своего искусства. Нельзя сказать, что Челябинский оперный не ведет никакой работы со зрителями, но все же надеяться на серьезное «взаимопонимание» еще только-только появляется. Как, впрочем, и реклама — с ней пока дело тоже обстоит непросто.

Наконец — в это не секрет — престиж театра (и особенно оперного) во многом зависит от отношения к нему городских властей. От степени подлинного (а не только по долгу службы) интереса, который проявляют партийные и советские руководители к театру, к тому, чем он живет, его нуждам и проблемам.

Напомним, сегодня для Челябинского оперного главное, чтобы в него по-настоящему поверили. И, конечно, чтобы он сумел это доверие оправдать. Иными словами, сейчас принципиально важна атмосфера, которая сложится не только в самом творческом коллективе, но и вокруг него. И вот тут очень многое будет зависеть от чуткости и компетентности управления культуры и обкома КПСС. Переломный момент наступил.

Пока материал готовился в печати, мы узнали, что в Челябинском театре оперы и балета назначен новый директор. Им стал Валерий Мюнстер, дирижер, проработавший здесь уже тринадцать лет, человек, пользующийся несомненным авторитетом в коллективе, разбирающийся в тонкостях театра оперного и хорошо знающий экономику театра в целом. Что ж, будем ждать результатов. И, как говорится, в добный час.

Марина ЮРЬЕВА,
наш спец. корр.
ЧЕЛЯБИНСК — МОСКВА